

Хлебникова Ольга Владимировна

ФИЛОСОФ КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ТЕКСТА

Статья посвящена исследованию субъекта философствования в качестве лирического героя пространства соответствующих текстов. Рассматриваются онтологические основания философской активности в рамках существующего письменного дискурса философии. Методологическим базисом работы выступает семиотическая концепция текстуальных фигур как форм речи Р. Барта. Одной из главных фигур философа предлагается считать фигуру Богоискательства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. I. С. 181-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Касютин В. Газета города и района: технологии успеха / ред. Т. Федяева. Краснодар: Периодика Кубани, 2005. 192 с.
10. Кислая Л. Н. Редакционная политика районной прессы (на примере Новосибирской области): дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2008. 171 с.
11. Коган Е. В. Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ (на примере Челябинской области): дисс. ... к. полит. н. М., 2013. 224 с.
12. Николаева Т. Районка: встреча с бюрократическим айсбергом // Журналист. 2009. № 10. С. 15-16.
13. Петрова Л. Казенная, автономная или бюджетная? // Журналист. 2010. № 9. С. 42-43.
14. Радионцева Е. С. Творческий потенциал современной районной газеты: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2009. 186 с.
15. Семенова Е. Путиловец из Новолешковской // Журналист. 2010. № 6.
16. Сорока Н. Провинциальная смелость. Подвиг или безрассудство? // Журналист. 2010. № 6.
17. Тулунов В. В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2003. № 2. С. 32-43.
18. Устюгов М. А. Региональная избирательная кампания: организация и технологии: дисс. ... к. полит. н. Тюмень, 2008. 137 с.
19. Ушанов П. В. Изменение избирательного законодательства в РФ как фактор активизации политических инвестиций в районные СМИ // Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» (г. Воронеж, 15-16 мая 2015 г.): в 2-х ч. / под ред. В. В. Тулунова. Воронеж, 2015. Ч. 2. С. 35-36.
20. Щучкин В. Какая модель развития эффективнее для региональных СМИ: бюджетная, автономная или коммерческая? // Журналист. 2010. № 8. С. 43-44.

CHARACTERISTIC OF THE THIRD STAGE OF FORMATION OF MEDIA AND POLITICAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ushanov Pavel Vital'evich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Vladivostok State University of Economics and Service
ushanov08@mail.ru

In the article the impact of electoral process on the development of media and political system in Russia is considered, the stages of its formation are singled out. Factors that have stimulated political investment in the system of regional media are described. This allows making an assumption that at present the third stage of the formation of media and political system in our country takes place. The author gives the characteristic of the models of regional media holdings functionally oriented to the service of political and electoral processes in local territories.

Key words and phrases: political investment; formation of media and political system; mediatization; institutionalization of media; electoral process; media holdings.

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена исследованию субъекта философствования в качестве лирического героя пространства соответствующих текстов. Рассматриваются онтологические основания философской активности в рамках существующего письменного дискурса философии. Методологическим базисом работы выступает семиотическая концепция текстуальных фигур как форм речи Р. Барта. Одной из главных фигур философа предлагается считать фигуру Богоискательства.

Ключевые слова и фразы: философ; человек; дискурс; текст; фигура; Богоискательство.

Хлебникова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
hlebnikova_ov@mail.ru

ФИЛОСОФ КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ТЕКСТА[©]

Современная культура как таковая является, по сути, специфическим феноменальным пространством, в котором разного рода письменные дискурсы встречаются друг с другом, не только отображая фактические события, имеющие место в реальной действительности, но и конституируя поле новых бытийных возможностей.

Р. Барт в одной своей работе, посвященной исследованию дискурса любви, высказал по поводу обстоятельств функционирования дискурсов вообще следующее соображение: «Когда какой-нибудь дискурс... дрейфует в сторону неактуального, за пределы всяких стадных интересов, ему не остается ничего иного, как быть местом, пусть сколь угодно ограниченным, некоего утверждения» [2, с. 80]. В подобном контексте философский дискурс находится отчасти в положении именно такого места. В той точке, где любовь к мудрости обретает голос, не сообщается никакой конкретной и вполне прагматически оправданной

информации, но зато происходят какие-то другие, странные события, внутри которых вдруг обнажается та или иная онтологическая неизбежность.

Основным действующим лицом данных странных событий собственно и является философ, одержимый своего рода «приступами речи». Этот философ есть странное существо (только отчасти похожее на обычного человека), характеризующееся, прежде всего, тремя особенностями. Во-первых, любая его попытка «заговорить» с очевидностью оборачивается созданием некоторого весьма своеобразного текста, репрезентирующего исключительно всеобъемлющую реальность парадокса. Во-вторых, это существо склонно задавать неудобные либо ничем не обусловленные вопросы, не только очевидно беспредметные, но и практически бесполезные. По сути, философ – это пугающий безумец, считающий, что единственный способ изобрести велосипед заключается в том, чтобы в каждый момент времени изобретать его заново, и дело его, как замечал М. К. Мамардашвили, есть дело «дурака» [7, с. 27], притом, что никакой иной жизни, кроме той, где его собственная «выделенность» проявляется как предсказуемый эффект того, чем он занимается, для него «вовсе не существует» [3, с. 325]. В-третьих, данное странное существо в каждый момент времени не нейтрально по отношению к миру и вечно озабочено собой настоящим, собой подлинным [5, с. 113; 11].

Ясно, что само словоупотребление термина «философ» отсылает нас здесь не столько к реальному субъекту определенной разновидности интеллектуальной деятельности, сколько к персонажу мыслительной драмы, разыгрываемой в пространстве текстов письменного философского дискурса. В определенном смысле, подразумеваемый тут философ является символическим отражением базовых интенций собственно философской «грамматики мысли» как таковой, основным концептуальным метаперсонажем философии и лирическим героем соответствующей текстовой области.

«Приступы речи», которые преследуют философа, выступают одновременно его «фигурами». Данный термин мы позаимствовали у того же Р. Барта, который трактовал его следующим образом: «Слово это должно пониматься не в риторическом смысле, но скорее в смысле гимнастическом или хореографическом... Это не “схема”, а нечто существенно более живое: жест тела, схваченного в действии, а не наблюдаемого в покое... Фигуры вычлняются, когда удается распознать в протекающем дискурсе что-то, что было прочитано, услышано, испытано. Фигура очерчена (как знак) и памятна (как образ или рассказ)» [2, с. 82].

Рассуждая о приступах философской речи и о фигурах философа, мы будем иметь в виду своего рода «телодвижения» соответствующего письменного дискурса, по которым, собственно, и прочитываются симптомы того, что философствование состоялось в качестве действительного события, что сама сфера бытия претерпела некоторые двусмысленные превращения, результатом которых стала актуализация определенного типа практического мышления о мире. Иначе говоря, фигуры философа – это имплицитно подразумеваемые философским дискурсом как он есть по себе позиции и положения философа в действии, философа в движении.

На наш взгляд, одной из важнейших фигур действующего философа является фигура Богоискательства.

Заметим, что, по нашему мнению, сама идея Бога (как вечного объекта философского поиска) в философии может быть интерпретирована в трех взаимосвязанных глобальных контекстах.

Во-первых, идею Бога следует понимать в качестве указания на некую возможность для человека иной жизни, простирающейся за пределы окружающей банальности и побеждающей даже саму смерть, на некий высший драматический смысл происходящего. Бог здесь есть онтологический адрес, выступающий основанием и оправданием человеческого стремления измерять, соотносить с эталонными образцами, доверять традициям (в том числе, и в контексте фрейдистских рассуждений о культурном феномене отцовства), порицать, наказывать и т.д.

Во-вторых, идея Бога соотносится с существованием фундаментальной презумпции разума (без которой он, кстати говоря, вообще не может работать в своем природном качестве машины упорядочивания и самозащиты), допускающей наличие вне разума как такового глобального Первоначала, вопрос о происхождении которого по определению носил бы характер логической избыточности (поскольку уж он «есть нечто, больше чего нельзя ничего себе представить» [1, с. 128]).

В-третьих, идея Бога связана с ориентацией человека на достижение своеобразного духовного совершенства, гарантирующего удовлетворение (в том числе, в форме «чистой совести») от не напрасно потраченных невосполнимых личностных усилий.

В соответствии с данными интенциями понимания идеи Бога, фигура философа как Богоискателя показывает себя в следующих сущностных аспектах.

Прежде всего, обращает на себя внимание общее отношение всякого философа к Богу как к единственному авторитету, с которым он в принципе соглашается считаться. Это отчасти высокомерное согласие проследживается даже в самом аутентичном звучании термина «философия», понимаемого в качестве стремления к некоей мудрости, доступной в полной мере, по выражению Пифагора, которому вторит Аристотель, только Богам. Именно с данным милостивым соизволением философа мы имеем дело, на наш взгляд, например, у Ж. Маритена с его ссылками на откровение как генератор разума или у Э. Жильсона с его определением вообще философии в качестве акта «уразумения» откровения [4, с. 11]. Именно выражением подобного добровольного (хотя порой и не осознаваемого до конца) признания главенства могут служить, как нам кажется, и все попытки современных философов поколебать или отринуть это главенство: от провозглашения смерти Бога у Ф. Ницше и оскорбительной снисходительности Ореста в «Мухах» Ж.-П. Сартра, заявляющего Юпитеру о том, что «ты – бог, а я свободен» [9, с. 70], до полной деконструкции логоцентризма у Ж. Деррида и сожалений Э. Чорана о роковой судьбе человечества, вышедшего «из рук злого, проклятого бога» [10, с. 25].

В этом стремлении действующего философа, так или иначе, вступить во взаимодействие с Богом как авторитетным началом прослеживается еще и робкая надежда на то, что тотальное философское одиночество можно с кем-то разделить (конечно, с тем единственным, кто вообще имеет основания на это претендовать). На наш взгляд, именно данным обстоятельством обусловлены попытки некоторых философов оправдаться по поводу безусловного права Бога на доверие: к примеру, посредством построения теодицеи или указания на беспроигрышность ставки на Бога в самой игре бытия [8, с. 132].

Еще одним аспектом неустранимого философского Богоискательства выступает своеобразная греховность философствования как такового, являющаяся, по сути, оборотной стороной его жертвенной природы. В данном случае под «грехом» подразумевается тот факт, что философский Бог никогда не может в полной мере оказаться вдруг и Богом религии, то есть чистым объектом радостной веры. Бог философа – это всегда в некотором смысле вывернутый наизнанку он сам, и поэтому его стремление найти этого Бога отчасти есть высшее проявление тяжелого нарциссизма.

С. Кьеркегор, давая определение термину «грех», писал: «Грех имеет определенное место, или, точнее говоря, он не имеет вообще никакого места, но это и есть его определение» [6, с. 130]. В случае с греховностью философствования эту мысль можно преобразовать в указание на тщетные попытки философа каждый раз доказывать нечто самому себе, но ужас ситуации состоит в том, что в подобном контексте ничто не может быть доказано, ибо фактическое становление философа вообще не может быть помыслено в горизонте самоуверждения.

Что же касается жертвенной природы философствования, то здесь речь идет о том, что в определенном смысле философ является сакральной жертвой, которая должна быть принесена ради того, чтобы все остальные могли учиться на показательных примерах. В подобном отношении философское Богоискательство выступает осознанным выражением призыва к человеческой общности, солидарности, а равным образом – и к непрерывному сопутствующему покаянию.

В целом, на наш взгляд, исследование философа в качестве лирического героя текста способствует, помимо прочего, актуализации невозможного – продвижению в окончательном понимании того, чем же собственно является философия.

Список литературы

1. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М.: Канон, 1995. 400 с.
2. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 2002. 432 с.
3. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
4. Жильсон Э. Дух средневековой философии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 560 с.
5. Зенец Н. Г. Субъект философского мыслетворчества: опыт осмысления бытия философии. Омск: Изд-во Омского гос. университета, 2012. 268 с.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
7. Мамардашвили М. К. Введение в философию // Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб.: Азбука-Классика, 2002. С. 7-169.
8. Паскаль Б. Мысли. М.: REFL-book, 1994. 528 с.
9. Сартр Ж.-П. Мухи // Сартр Ж.-П. Грязными руками: пьесы. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 5-74.
10. Чоран Э. Злой демиург // Чоран Э. После конца истории. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 23-103.
11. Radford C. The Examined Life Re-Examined // The Impulse To Philosophise. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1-23.

PHILOSOPHER AS A LYRICAL HERO OF THE TEXT

Khlebnikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk State Transport University
hlebnikova_ov@mail.ru

The article is devoted to the study of the subject of philosophizing as a lyrical hero of appropriate texts space. The ontological fundamentals of philosophical activity in the framework of the existing written discourse of philosophy are considered. The semiotic conception of textual figures as forms of speech created by Roland Barthes is the methodological basis of the work. The author proposes to consider the figure of God-seeking as one of the main figures of the philosopher.

Key words and phrases: philosopher; the human; discourse; text; figure; God-seeking.